

УДК [111.62:329]:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-42-54

О ДВУХ ПОДХОДАХ К АНАЛИЗУ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

Мельников Виктор Олегович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В современной научной литературе распространены два подхода к анализу общественно-политических движений как проявлений современного цивилизационного кризиса. Данные подходы отличаются друг от друга пониманием процесса развития человечества: если субстанциальный подход ищет и находит некое единое основание в историческом процессе, из которого затем можно было бы вывести все феномены общественной жизни, то несубстанциальный подход считает, что такого основания (субстанции, сущности) не существует и поэтому его поиск бессмысленен. Из таких различных методологических позиций представителей данных подходов вытекают и их различные объяснения феноменов социальной реальности. В частности, с позиций несубстанциального подхода современный цивилизационный кризис объявляется следствием набора случайных факторов: технологических изменений, победы того или иного дискурса, смены гегемона в центр-периферийных отношениях и т.д.; отсюда кризис становится принципиально необъяснимым. Изменения, произошедшие в характере организации, формах деятельности и идеологии общественно-политических движений в таком случае также становятся случайными и, как следствие, не до конца объяснимыми. Субстанциальный же подход, который для автора данной работы выражается прежде всего в историческом материализме, считает современный кризис результатом объективных процессов, протекающих в самом фундаменте общества (в первую очередь имея в виду развитие всеобщего труда). Следовательно, общественно-политические движения являются одной из форм проявления этого кризиса, несут в себе его отпечаток. Подчеркивается, что различия данных подходов имеют не только теоретический характер, т.к. речь идет о выработке стратегии преодоления текущего кризиса цивилизации, т.е. о будущем человечества.

Ключевые слова: субстанциальный подход, несубстанциальный подход, марксизм, капитализм, человек, кризис цивилизации, общественно-политические движения.

TWO APPROACHES TO ANALYZING SOCIOPOLITICAL MOVEMENTS AS A MANIFESTATION OF THE MODERN CIVILIZATION CRISIS

Viktor O. Melnikov

Perm State University

In social science, there are two approaches to analyzing sociopolitical movements as a manifestation of the modern civilization crisis. The difference between them lies in understanding of the human development process. The substantial approach seeks and finds a single basis in the historical process, and then deduces all social life phenomena from it. The non-substantial approach, on the contrary, considers that such a foundation (substance, essence) does not exist and, therefore, its search is meaningless. Following opposite methodological positions, the representatives of these two approaches variously explain the phenomena of social reality. For instance, from the standpoint of the non-substantial approach, the modern civilization crisis is declared to result from a combination of random factors: technological changes, the

hegemony of one or another discourse, the change of the world hegemon in the core-peripheral relations, etc. Hence, from this point of view, the crisis becomes fundamentally inexplicable. Changes that have occurred in the nature of the organization, the forms of activity and the ideology of sociopolitical movements in this case also become random and, as a result, cannot be comprehensively explained. The substantial approach considers the modern crisis to be a result of objective processes taking place in the very foundation of society (primarily in the development of universal labor). Consequently, sociopolitical movements are a form of manifestation of this crisis. The paper emphasizes that differences of these approaches do not have a purely theoretical character, because it is about developing a strategy to overcome the current crisis of civilization, i.e. about the future of mankind.

Keywords: substantial approach, non-substantial approach, Marxism, capitalism, human, civilization crisis, sociopolitical movements.

Введение

Тот факт, что современная цивилизация находится в кризисном состоянии, не вызывает сомнений. С разной степенью осознанности об этом обстоятельстве говорят как на серьезных научных конференциях и общественных форумах, так и в домашней обстановке. Черты, проявления этой кризисности выделяют самые различные в зависимости от интересов и мировоззрения выделяющего: это и т.н. глобальные проблемы (ядерная война, экология, неравенство и т.д.), и экономические кризисы, и проблема взаимодействия человека и техники, и моральное разложение общества, и т.д. Современное общество как будто достигло некоторых пределов и стоит на исторической развилке: куда двигаться дальше? По всей видимости, немаловажную роль в разрешении этой задачи будут играть общественно-политические движения, активность которых значительно возросла за последнее (кризисное) время. Однако осмысление данного феномена, а также самого цивилизационного кризиса в современной социальной философии и социальной теории выглядит пока что неоднозначным. Представляется, что сегодня, в век чрезвычайного усложнения общества и всех входящих в него элементов, как никогда ранее важно четкое, последовательное, внутренне непротиворечивое описание и объяснение окружающей действительности. По-видимому, с такой задачей можно справиться только в том случае, если начинать анализ с неких «элементарных клеточек» социальной реальности: с того, из чего она состоит и в чем находится источник ее развития. Это нечто можно назвать субстанцией социальной реальности, исторического процесса становления общества, и именно с ее изучения нужно

начинать для объяснения любого социального феномена (который в конечном счете всегда ею опосредован). Так вкратце выглядит исследовательская позиция первого подхода к анализу социальной реальности, ее современного кризиса и роли общественно-политических движений во всем этом. Данный подход можно назвать субстанциальным.

Однако с середины XIX в. в философской литературе распространился и стал даже более популярным второй подход, сутью которого является отрицание общего в действительности, признание тезисов о сущностях и субстанциях как чистых спекуляций. От детерминизма данный подход идет к плюралистическому толкованию социальной реальности, многофакторности исторического процесса. Данный подход, следовательно, можно назвать несубстанциальным. О различиях между этими подходами написан уже ряд работ [см., напр., Корякин В.В., 2008], целью же данной статьи является рассмотрение разницы между ними в понимании и объяснении современного цивилизационного кризиса и общественно-политических движений как его проявления.

Несубстанциальный подход

В рамках несубстанциального подхода можно выделить очень много философских (и не только) направлений, а также отдельных авторов. Однако в данном случае нас интересует, каким образом они подходят к анализу общества. Как мы уже отметили, общим для них является ориентация на анализ явлений, — а не сущностей, на анализ отношений между предметами, — а не на сами предметы, на внешнем по отношению к человеку, — а не на самом человеке.

Ярким свидетельством этого могут быть работы т.н. постиндустриалистов: как непосред-

ственno теоретиков постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс и др.), так и их современных идеиных потомков, например: представителей концепции четвертой промышленной революции (К. Шваб и др.), акселерационистов (Н. Ланд, Н. Срничек и др.). Авторы данных направлений пытались объяснить ускоряющиеся изменения в общественной жизни, а также ее кризис, делая акцент в своих исследованиях на анализе развития техники и технологий.

Так, например, М. Кастельс, выделив информационные технологии в качестве атрибута современного общества, определив его как информациональное, выдвинул сетевой принцип его организации. «В условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение “сетевой” логики в значительной мере оказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [Кастельс М., 1999, с. 494]. Таким образом, сетевые общества «организованы вокруг процессов человеческой деятельности, структурированных и исторически детерминированных в отношениях производства, опыта и власти» [Кастельс М., 2000, с. 37]. Технологии пронизывают все три вида отношений, и в этом смысле Кастельс говорит о взаимообусловленности технологий и общества: люди создают технологии, используют их как инструменты для усложнения своей деятельности, однако человеческая деятельность становится зависимой от технологий. Так Кастельс выходит на проблему кризиса современной цивилизации. По его мнению, в своей глубинной сущности информационный капитализм направлен на «углубление капиталистической логики стремления к прибыли» [Кастельс М., 2000, с. 41], на максимизацию прибыли. Реструктуризация капитализма посредством технологий сопровождалась «широко распространенным ухудшением условий жизни и труда работников», «потрясающей прогрессией неравенства доходов в США» [Кастельс М., 2000, с. 262, 265]. Фактически Кастельс наблюдал крушение социального государства во многих развитых странах,

утверждение неолиберальной гегемонии и напрямую связывал эти процессы с развитием информационных технологий. С ними же он связывал и развитие современных общественно-политических движений как движений сетевых, причем в двух смыслах: организационном (имея в виду превалирование горизонталистских структур на вертикальными иерархиями) и в смысле активного использования виртуального пространства. Кастельс отмечает, что современные движения стали намного глобальнее, мобильнее и разнообразнее благодаря новым возможностям коммуникаций. Эти, а также многие другие подмеченные ученым феномены выглядят весьма любопытно, но интересно и то, что технике и технологиям фактически отдается первенство в социальных изменениях.

При этом важной составляющей работ постиндустриалистов является постоянное отрижение технологического детерминизма, а зачастую и детерминизма вообще. Так, Д. Белл, выдвинул т.н. осевой принцип строения социума, который предполагал самостоятельное и фактически независимое существование трех сфер: технико-экономической, политической и культурной. При этом Белл признавал огромное влияние технико-экономической сферы на жизнь общества, да и в принципе в тексте его главного произведения «Грядущее постиндустриальное общество» можно найти массу примеров, которые ставят под сомнение заявленную автономность каждой из сфер. Так, например, описывая кризисные процессы, которые происходят в обществе с занятостью, политической стабильностью, социальными институтами, он связывает их с развитием коммуникаций (что стало возможно благодаря технологиям): «Ключевой вопрос заключен в том, способны ли старые институты и структуры справиться с этим невероятным объемом взаимодействий и взаимосвязей» [Белл Д., 2004, с. СХХ]. Или в другом месте: «Старые социальные структуры дают трещину, потому что политические масштабы не соответствуют масштабам хозяйственной деятельности» [Белл Д., 2004, с. СХЛIII]. При этом Белл не объясняет, почему вдруг технологии сегодня начинают так активно развиваться, он скорее дает описание-постфактум того, как их развитие повлияло на то или иное явление. Другими словами, возникают вопросы об источнике раз-

вития, и американский социолог дает ответ: «...главным источником структурных сдвигов в обществе... являются изменения в характере знания» [Белл Д., 2004, с. 58].

Причем это относится ко всем трем сферам общественной жизни. В экономике от производства «вещественных» товаров происходит «дрейф» к производству нематериальных услуг, причем высоко насыщенных знаниями (образование, исследования, управление и т.д.), да и производство товаров как таковое также становится более «интеллектуальным». В политической сфере старые институты рушатся, вследствие чего решения политиков становятся более субъективными и все большее значение имеют при принятии этих решений ценности этих политиков. Сфера культуры вообще, по Беллу, базируется на традициях, в особенности на «незыблом характере» мировых религий (что, вообще-то, ставит вопрос о возможности развития этой сферы). Таким образом, если присмотреться внимательнее к рассуждениям автора, то можно понять, что заявленная автономность каждой сферы является фикцией. «Настаивая на абсолютном различии сфер общественной жизни, Д. Белл, тем не менее, приходит к противоположному выводу об их содер жательном единстве в плане мышления. Человеческое сознание оказывается единственной подлинной субстанцией социальной жизни и общественного развития, “осевые принципы”, определяющие самостоятельность и особенный характер каждой из сфер, не более чем различными смысловыми установками, которыми люди руководствуются в процессе своей жизни...» [Корякин В.В., 2008, с. 128]. Положив в основу общественных изменений и, следовательно, кризиса современного общества знания, цели, ценности людей, Белл не смог непротиворечиво описать реальность, т.к. постоянно возникает проблема самостоятельности развития этих знаний, целей и ценностей: они всегда нуждаются в определенном (достаточно сложном) материальном субстрате, т.е. человеке. Более того, противоречивой оказывается ситуация с заявленным антидетерминизмом, антисубстанциализмом и фактическим проведением идеи об объединяющем начале социального. Следует отметить, что для представителей несубстанциального подхода к обществу подобное самоотрицание очень характерно: по-видимому, оста-

ваться до конца последовательным на плюралистической методологической основе просто невозможно.

Поэтому, например, неудивительно, что современные идеальные наследники постиндустриалистов полностью воспроизводят эти взгляды. Например, К. Шваб, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума, в своих работах также приходит к выводу о важнейшей роли знания и технологий в процессе текущих общественных изменений (не забывая при этом упомянуть о многофакторности исторического процесса). Ярко и красочно описывая современные достижения в области развития технологий, автор делает попытку оценить возможное их влияние на различные социальные процессы. При этом важно, как Шваб понимает их природу. Будучи сторонником ценностно-ориентированного подхода к анализу общества, он обращается к нему и при изучении технологического развития: «“Все технологии имеют политическую природу”. О политике здесь говорится в описательном смысле. Мы не подразумеваем, что технологии олицетворяют правительства, связанны с определенной партией или каким-то образом вытекают из “левой” или “правой” идеологии. Мы имеем в виду, что технологии — это решения, продукты и воплощения идей, полученные в результате социальных процессов, поддерживающие и выражющие стремления людей и организаций, содержащие в себе целый ряд допущений, ценностей и принципов, которые, в свою очередь, могут повлиять (и влияют) на власть, структуру и состояние общества» [Шваб К., Дэвис Н., 2018, с. 46]. Таким образом, технологии получают духовную основу, т.е. Шваб, разумеется, признает, что техника имеет предметную форму, но определяющими для него являются ценности, которые в нее вложили.

Из многочисленных описаний различных сторон действительности (экономики, политики, социальной сферы), данных К. Швабом, вытекает, что и общество имеет духовную природу, т.к. деятельность людей опосредована ценностями, которых они придерживаются. Эти исходные положения его теоретической позиции ярко продемонстрированы в непосредственном анализе кризисного общества, готовящегося к четвертой промышленной революции. Так, например, выделяя неравенство, в т.ч.

технологическое, в качестве ключевой общественной проблемы, автор с некоторой досадой отмечает, что ее корень лежит в том, что бизнес сегодня скорее ориентирован на извлечение максимальной прибыли, а не на демонстрацию «возможностей, которые дарит нам промышленная революция». По-видимому, данная ориентация бизнеса, по мнению Шваба, связана не с системной организацией общества на капиталистических началах, а по большей части с ценностями самих корпораций. Общественно-политические движения также при таком подходе становятся всего лишь проводниками определенных ценностей. Таким образом, вопрос о том, как тогда развивалась и развивается человеческая цивилизация (а это объективный факт), остается открытым.

Разумеется, подобная противоречивая картина наблюдается не только у представителей данных направлений. Как мы уже оговаривались в начале статьи, несубстанциальное объяснение социальных феноменов может встречаться во всех без исключения философских системах.

Так, например, можно выделить реляционный подход. Это необщеупотребительное наименование, включающее в себя направления, выдвигающие на первый план изучение связей и отношений в обществе. Наглядным примером такого подхода может являться представление общества в виде некой структурно-функциональной схемы. Для таких моделей характерно априорное назначение обществу некоторых функций, без осуществления которых оно не может существовать (например, производство, управление и т.д.). Люди в такой схеме являются элементами общей системы, подчиняются логике ее существования: им доступен лишь определенный набор «вакантных» позиций (ролей), которые они могут занять (концепция Т. Парсонса, ролевая модель Мертона, субъектные позиции Л. Альтюссера и т.д.). Кризис общества в таких концепциях наступает тогда, когда какая-то жизненно важная для системы функция перестает осуществляться или осуществляется на недостаточном уровне и в наличии нет ресурсов для немедленного устранения проблемы. Общественно-политические движения в такой системе тоже существуют для реализации определенных функций, чаще всего и в конечном счете — для

поддержания равновесия в системе. Несмотря на то что действительно в любом обществе мы увидим реализацию примерно одних и тех же функций, нельзя сказать, что подобная схема не вызывает вопросов. Все они так и или иначе связаны с развитием, с усложнением, увеличением богатства содержания системы, которое не сводится исключительно к количественному увеличению связей внутри нее. Например, почему появляются деструктивные общественно-политические движения, у общества изначально есть такая функция? Есть ли место для свободы воли у индивидов, если их единственная задача — это занять определенную функциональную позицию в системе? Как вообще может развиваться система, если все действия и все возможности в ней изначально предзданы? Подобные вопросы могут быть заданы по отношению ко всем историческим модификациям реляционного подхода (структурализму, постструктурализму, постмодернизму и т.д.), т.к. его представители чаще ориентировались скорее на форму, чем на содержание. Действительно, ключевой чертой реляционного подхода (что как раз и позволяет говорить о нем как о несубстанциальном) является последовательный отказ от различных форм «эссенциализма», т.е. поиска сущности как некоего конечного (в представлении авторов данного подхода) набора характеристик объекта. Это хорошо прослеживается, например, в популярной сегодня теории гегемонии Ш. Муфф и Э. Лаклау. Несмотря на то что этих авторов считают постмарксистами, они изначально заявляют в качестве отправного пункта своей теории последовательный отказ от экономизма Маркса и его эссенциализма [Mouffe C.H., 2001, p. 10]. В качестве основы они берут учение Грамши о гегемонии, из которого убран экономический детерминизм. Однако, как ни странно, от детерминизма авторы не уходят, только вместо экономического у них он политический. Дело в том, что в условиях борьбы за дискурс, за означаемое (а именно это является стержнем истории), решающими, по мнению авторов, становятся властные отношения: тот, кто захватывает власть, определяет правила игры для всех. Именно через это авторы описывают современный цивилизационный кризис и деятельность общественно-политических движений, однако ключевой вопрос остается: откуда берется но-

вое содержание? Сам по себе захват власти, установление гегемонии еще не дает никакого усложнения, если люди как производящие существа остались выброшенными из этой схемы.

Ориентация на связи и отношения в рамках реляционного подхода породила релятивистскую трактовку общества. «Полагая, что только связи обеспечивают единство явлений, а сами явления при этом, что логически абсурдно, уникальны, как таковые не имеют ничего общего между собой, реляционный подход использует многообразие факторов в процессе выделения единиц действительности. Общество при этом распадается на бесчисленное множество гендерных, возрастных, национальных, профессиональных, конфессиональных, образовательных, политических, территориальных групп... По сути каждая из бесчисленных граней человеческой жизни при таком подходе превращается в некий самодовлеющий фактор, порождающий автономное сообщество людей. Человеческая сущность в итоге распадается на это множество сторон и растворяется, исчезает в этом многообразии связей» [Корякин В.В., 2008, с. 107]. Отсюда становятся совершенно понятными постмодернистские размышления на тему смерти субъекта, и, как следствие, цивилизационного кризиса. Номадист, кочующий человек — это неопределенный и неопределенчившийся человек с размытой идентичностью, а точнее, с набором фрагментов разных идентичностей, ранее скрепляемых традиционными институтами индустриальной эпохи (армией, семьей, церковью, школой и т.д.), над которыми возвышалось государство. Не имея возможности разобраться с фрагментами своей расползающейся идентичности, человек, либо хватается за какую-то одну ее сторону (становясь еще более одномерным, еще более ничтожным, чем раньше), либо полностью передает формирование своей собственной идентичности на откуп внешним силам (СМИ, государству, маркетологам, политтехнологам и т.д.), либо пытается придумать для самого себя некое новое основание, чтобы увязать грани своей сущности (с этим можно связать бурный рост новых религий, субкультур и т.д.).

В этом ключе постмодернисты рассматривали взлет так называемых новых социальных движений: распад прежних монолитных классовых идентичностей привел к образованию

множества других, которые, заявив о себе в конце 60-х гг., вышли на политическую арену. Примечательно, что постмодернистская логика абсурда нередко становилась знаменем этих движений. «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» — заявляли представители «новых левых». По большому счету философия постмодернизма легла в основу политической деятельности многих социальных движений, когда ключевой их целью объявлялось установление гегемонии в общественном дискурсе. Понятное дело, что и сами они отсюда могут быть охарактеризованы как фрагментированные, неустойчивые, неопределенные. У них рыхлая организационная структура, как правило с отношениями горизонталистского типа внутри, такая же рыхлая и неустойчивая идеология, которая скорее представляет собой набор идеологем из разных политических взглядов. Наконец, постмодернистские формы деятельности, борьбы носят скорее символический характер: акции, флешмобы, манифестации, представления с целью привлечения внимания и т.д. Таким образом, постмодернистская философия не просто анализирует кризис, она сама по себе является одновременно его продуктом и автором. Однако по-прежнему вопрос о развитии остается за скобками. По-видимому, плuriалистическая парадигма понимания общества, пришедшая на смену классическим абстракциям, старым способам рассуждения, оказалась также неспособна адекватно представлять развитие и даже существование общества. Если К. Маркс в середине XIX в. писал, что задача философии не просто объяснить мир, а пытаться его изменить, то современная философия даже не претендует на его объяснение, ограничиваясь лишь описанием.

Концепция мир-системного анализа является еще одной вариацией реляционного подхода. Здесь также связи и отношения выходят на первый план. Так, в частности, мир воспринимается всеми авторами как единая целостность, система связей между различными обществами. По большому счету сами общества интересуют авторов (по крайней мере, основоположников — И. Валлерстайна и А.Г. Франка) лишь во вторую очередь, важнее оказывается то место, которое это общество занимает в единой мир-системе. Место в мир-системе (центр или периферия у Валлерстайна, метрополия или сателлит у Фран-

ка, также часть исследователей выделяет промежуточное звено — полуперифирию) определяет как экономические, так и политические, социальные и культурные особенности общества. Центр-периферийные отношения обладают фрактальностью, т.е. они воспроизводятся не только на мировом уровне, но и внутри самих государств, регионов стран и даже городов. Однако как бы ни было велико число субъектов-объектов таких отношений, сама структура оказывается принципиально конечной, что, кстати, является одним из множества теоретических недостатков данного подхода.

В чем же видят авторы мир-системного подхода кризис современной цивилизации? Очевидно, в том же, что и составляет ее суть, в кризисе связей и отношений внутри мир-системы. Неолиберальный порядок, приведший США к положению гегемона, показывает свою ограниченность: мировая экономика стагнирует, в самих США внешний долг перешел все мыслимые пределы, а теперь еще и рабочая сила в КНР стала резко дорожать. Обычно центр мирового капитализма в ответ на кризис усиливал эксплуатацию периферии, однако, судя по всему, ее возможности тоже исчерпаны: где после Китая найти такую же массу дешевого и дисциплинированного труда? К тому же, как отмечает Б.Ю. Кагарлицкий, центр мир-системы все же направлял ресурсы, выкачиваемые из периферии, на развитие производительных сил и социальный прогресс, сегодня же этого не происходит вследствие гегемонии финансового капитала. «На фоне демонтажа “социального государства” (Welfare State) возможности западного потребления постепенно исчерпывались. Ограничеными оказались и глобальные трудовые ресурсы — “тонки на спуск” завершились, эксплуатация дешевого труда в Азии была доведена до крайнего предела. Отсутствие подходящей инфраструктуры и нехватка квалифицированных кадров обрекали на провал попытки использовать Африку в качестве “новой границы” для промышленной экспансии» [Кагарлицкий Б.Ю., 2010, с. 647].

Относительно анализа общественно-политических движений представители школы мир-системного анализа могут похвастаться большим количеством различных исследований, в основном социологического характера. Формы активности движений, социальный состав их

участников, эффективность работы и т.д. — все ставится в зависимость от того места, которое занимает определенная территория в системе неравных отношений. В частности, большой интерес вызывает анализ И. Валлерстайном, С. Амином, Б.Ю. Кагарлицким и др. движения антиглобалистов (или альтерглобалистов), которое сегодня нередко называют восстанием глобального Юга против глобального Севера. Так, большая популярность антиглобализма в странах Латинской Америки объяснялась значительным ущербом, который был причинен странам этого региона политикой неолиберализма.

Однако, воспроизводя многие постулаты философского структурализма, мир-системный подход встречается с его же проблемами: кто является субъектом, каким образом происходит развитие человеческого общества, где его источник? На эти вопросы мир-системный подход отвечает крайне противоречиво.

Здесь необходимо отметить, что указанные нами недостатки несубстанциального подхода ни в коем случае не означают, что авторы и направления, которые могут быть к нему отнесены, ничего не сделали полезного для развития интеллектуального ландшафта современности. Отнюдь: отказ от исследования общего в действительности позволил им сосредоточиться на анализе особенного. В частности, изучение влияния техники и технологий на современное общество, его крайне сложной и постоянно усложняющейся структуры, неопределенной и нестабильной системы отношений в современном мире, роли языка в общественных изменениях и т.д. позволило зафиксировать множество чрезвычайно интересных и важных социальных феноменов нашего времени. Однако акцент на внешнем по отношению к человеку, а не на самом человеке не дает возможности непротиворечиво ответить на вопрос о развитии общества, т.к. общество — это в первую очередь сами люди. Если же в исследованиях делается упор на развитии техники, структур, языка, центр-периферийных отношений и т.д., то человек превращается в пассивного наблюдателя, в лучшем случае — в спутника исторического процесса развития техники, структур и т.д. Отрыв всех этих проявлений человеческой сущности от самого человека и приздание им самостоятельного пути развития в работах многих ученых имеет общий корень с отрывом

сознания, идей от человека в немецком идеализме. Однако, как уже было неоднократно показано [см., напр., Ленин В.И., 1953; Орлов В.В. 1998], сознание не обладает субстанциальностью, источником развития в себе, т.к. не существует отдельно от своего материального субстрата, а также в конечном счете всегда нуждается в предмете отражения — материальном мире. Несубстанциальность объяснению исторического процесса и общества, его кризиса приводит к несубстанциальному объяснению современных общественно-политических движений: изменений, которые проходят в формах их организаций, идеологии, деятельности и т.д. Это все означает, что практические действия, которые будут базироваться на такой теории, могут в определенный момент привести к тупику или даже к крайне неблагоприятным последствиям (пример «новых левых» крайне показателен).

Субстанциальный подход

В первую очередь необходимо отметить, что поскольку идеалистическая парадигма поиска субстанции исторического процесса в общем и целом потерпела крах и сегодня встречается редко (за исключением религиозных направлений), то под субстанциальным подходом мы в большей степени понимаем научный материализм, наиболее целостно представленный марксизмом. При этом нужно признать, что многие марксистские авторы также могут быть отнесены к несубстанциальному подходу (например, представители франкфуртской школы).

Отличием ортодоксального марксизма от всей предшествующей, а также конкурирующей с ним сегодня философии является реализация попытки сконцентрироваться на человеке как на субстанции исторического процесса и затем из человеческой сущности выводить все ее внешние проявления, в т.ч. технику, структуры, связи, отношения и т.д. Это же относится к общественно-политическим движениям. Банальный факт состоит в том, что эти движения находятся и действуют не в вакууме, а в обществе, причем в обществе, состоящем из людей. Люди находятся как внутри этих движений, так и снаружи их, поэтому, не ставя вопроса о человеке, невозможно непротиворечиво описать и объяснить движения современности.

Основоположники марксизма писали: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Самы они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят себя и свою материальную жизнь» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 19]. Таким образом, производство человеком посредством труда собственной жизни является способом его существования. Труд в этом случае выступает главным сущностным свойством человека, выражением его субстанциальности, т.к. фактически человек не нуждается для своего развития ни в чем, кроме самого себя и природы (которая, впрочем, по мере усложнения общества превращается в неорганическое тело человека). Труд позволяет удовлетворять все увеличивающиеся человеческие потребности, реализовывать потенциально бесконечные возможности человека и через это — развиваться. Однако это доступно человеку лишь как родовому существу, т.к. жизнь каждого конкретного индивида конечна. Противоречие между конечной индивидуальной и бесконечной родовой сущностями в марксизме рассматривается диалектически: каждый отдельный человек — одновременно и родовое и индивидуальное существо. Данное противоречие является стержнем материалистического понимания исторического процесса, который таким образом становится процессом развития человеческой сущности. Родовое и индивидуальное взаимообусловливают друг друга: родовое существует не само по себе, а только лишь через все многообразие индивидуального; с другой стороны, индивидуальное существует только в связи с родовым (общим, бесконечным), определяется им. Таким образом, человек как диалектическое единство родового и индивидуального является живым конкретным индивидом, продуктом конкретных исторических условий (а не абстракцией, как в предшествующей философии), и при этом он способен познавать и преобразовывать мир и общество. Резюмируя все эти положения, например, коллектив пермских авторов определяет человека следующим образом: «Человек — это материальное интегральное социальное существо, производящее себя и

свою собственную социальную среду» [Васильева Т.С., Орлов В.В., 2007, с. 153].

В соответствии с таким пониманием сущности человека (как производящего существа) рассматривается процесс выстраивания социальной структуры общества: «Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 24]. Таким образом, человек, вступая в материальный процесс производства собственной жизни, создает не только ее, но и общественную жизнь. Причем это происходит сразу на нескольких уровнях и в различных формах. Человек способен производить другого человека, причем не только через деторождение, но и в первую очередь — через развитие другого человека (и самого себя) от имеющегося состояния к более сложному [Маркс К., 2015, с. 868]. В процессе подобной жизнедеятельности миллиардов людей возникают и воспроизводятся различные социальные группы и институты.

Таким образом, люди, обладая производящей сущностью, создают все общество, которое при этом из них состоит, но к ним не сводится. Понятно, что каждый уровень связан множеством отношений как внутри себя, так и извне (с другими уровнями). Главными здесь являются производственные отношения — внешние выражения трудового процесса. Нельзя, конечно, забывать и о том, что, помимо материального производства, существует и духовное. Общественное сознание и индивидуальное сознание, являясь отражением материальных производственных процессов, также создаются самими людьми. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бы-

тие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс К., 1959, с. 6–7].

При этом Маркс отмечал, что труд — важнейшая сущностная сила человека, при помощи которой и производится все общество, — находится в развитии. Он выделял три исторические формы труда: ручной, машинный и автоматизированный (также называемый всеобщим научным трудом). Несмотря на небогатый эмпирический материал, Маркс дал некоторое описание всеобщего труда: «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников» [Маркс К., 1961, с. 116].

Таким образом, всеобщий труд как новая историческая форма труда представляет собой применение знаний, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. Технологической характеристикой этого труда служит его определение как автоматизированного труда, в котором человек из непосредственного участника производственного процесса превращается в его контролера и регулировщика. При этом это крайне усложнившийся труд, который требует для своего воплощения усилий всего общества и, исходя из этого, требует общественной собственности на средства производства.

В.В. Орловым и Т.С. Васильевой было показано развитие информационных технологий, появление современной формы всеобщего труда как производство абстрактных материальных структур [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006]. Высшим проявлением данного процесса, которое со всей очевидностью демонстрирует материальный характер современного производства, стало развитие компьютерного труда. «Компьютерный труд, на наш взгляд, является квинтэссенцией всеобщего труда, поскольку он с необходимостью включен в любой другой вид всеобщего труда (общественные услуги в сфере науки, образования, здравоохранения, управления и пр.). С помощью компьютерного труда сегодня осуществляются принципиальные возможности любой формы всеобщего труда, а именно — указанные еще Марксом интеграция труда современников и аккумуляция труда предшественников (в основном — через интернет-технологии). Компьютерный труд с этих позиций — это непосредственно общественный

труд, а не разделенный труд, как в индустриальную эпоху» [Орлов В.В., Гриценко В.С., 2012]. Такой общественный характер труда имеет далеко идущие социальные последствия, т.к. радикально меняет всю социальную структуру — о сетевой логике организации общества, подмеченной многими постиндустриалистами, мы уже говорили. Этот вид труда, который представляет собой масштабное освоение всего материального мира, присоединение сил природы к человеческим силам, углубление человека в свою собственную сущность и т.д., — этот вид труда вступает в противоречие с наиболее распространенной сегодня формой собственности — капиталистической собственностью.

Именно поэтому суть современного кризиса капитализма понимается многими марксистами как кризис барьера, стоящего на пути развития всеобщего научного труда. Абстрактная схема сегодня предстает перед нами в явном виде: архаичные производственные отношения мешают развитию производительных сил. При этом за кризисом капитализма маячит еще более глубокий кризис — человеческой сущности. Дело в том, что до сих пор человечество в целом развивалось и богатело за счет обнищания каждого своего члена. Богатство и нищета здесь используются не в денежном смысле, а в смысле содержания. Разделение труда, его отчуждение от человека, достигшее при капитализме небывалых масштабов, приводят к тому, что богатство содержания каждого индивида уменьшается в прогрессии относительно роста богатства содержания всего рода: люди становятся все одномернее и одномернее. По-видимому, при этом достигнут некий предел данного процесса: взрывной рост числа психологических заболеваний, убийств, самоубийств, тоталитарных сект и т.д. свидетельствует о крайне нездоровом характере общества XXI в.

Исходя из этого могут пониматься и современные общественно-политические движения: как протест (далеко не всегда осознанный) против угнетения и отчуждения своей сущности. Так, к примеру, Арабская весна, протесты во Франции и США (движение «Оккупай Уолл-стрит») в конечном счете представляют собой восстания людей и против своего отчужденного политического бытия, т.е. государства, и против того способа производства, на котором все это зиждется, т.е. капитализма. Разумеется, и развитие всеобщего научного труда, которое яв-

ляется шансом на преодоление отчужденного бытия людей и которое может изменить сложившуюся модель развития человечества (на такую, где развитие всех напрямую зависит от возможностей развития каждого), не могло не сказаться на развитии общественно-политических движений. Причем оно влияет на их развитие как прямо (различные движения, представляющие собой работников сферы всеобщего труда и осознающие, что многие их проблемы связаны с частной собственностью), так и косвенно (движения, связанные с изменениями в сферах стоимости, занятости, общественного сознания, вызванные развитием всеобщего труда) [см., напр., Мельников Б.О., 2018].

Однако же развитие всеобщего труда таит в себе и немало противоречий, в первую очередь это противостояние между различными историческими модификациями труда. Поскольку в труде как главном сущностном свойстве человека, как способности к предметному освоению и преобразованию окружающей его реальности выражается богатство его содержания и поскольку это демонстрируется также в деятельности единичного, конкретного индивида, то неудивительно, что работники ручного, например сельскохозяйственного, труда могут совершенно не понимать интересы представителей труда машинного (и наоборот). Более того, они могут не только не осознавать интересы друг друга, но и быть враждебными по отношению друг к другу вследствие, например, того, что для реализации развитого машинного труда в современных условиях требуется сверхэксплуатация работников ручного труда стран третьего мира. Именно через данные противоречия могут быть объяснены, например, конфликты между «старыми левыми» и «новыми левыми», а также между последними и современными политическими группами левой ориентации. По большому счету это конфликты между массовым рабочим фордистской экономики и децентрализованным рабочим сферы услуг (который по факту остается наемным работником, но к пролетарию себя не причисляет). Одновременное усиление сразу двух разнонаправленных тенденций — стремления к кооперации и растущей атомизации общества — является наглядным свидетельством кризисности процесса развития всеобщего труда в современных условиях.

Таким образом, даже на таком обобщенном, абстрактном уровне наглядно видно, что подход, который начинает свой анализ с человека, его сущностных сил и выводит из этого все социальные феномены, более последователен и логичен. Для объяснения этих феноменов (в т.ч. и общественно-политических движений) уже не нужно брать что-нибудь внешнее по отношению к человеку, отнюдь: сам характер бытия человека, производства им самим его собственной жизни дает ключ к анализу всех социальных процессов и явлений. В частности, цивилизационный кризис в таком случае неизбежно становится проявлением кризиса сущности человека, а деятельность общественно-политических движений связывается с восстанием людей против такого порядка, своего отчужденного бытия.

Заключение

Разумеется, из двух рассмотренных подходов к анализу социальной реальности для нас более предпочтительным и более перспективным оказывается субстанциальный подход. Характерное для сторонников этого подхода стремление анализировать социальные феномены исходя из их основы — человека и его сущностных сил — приводит к выстраиванию более последовательной и логичной схемы общественного развития. Несубстанциальный же подход не в состоянии непротиворечиво объяснить развитие общества, сводя его по большому счету к случайному процессу. Однако даже одного взгляда на исторический процесс достаточно, чтобы увидеть его последовательный характер: от плуга и мотыг общество не перешло сразу к космическим кораблям. При этом несубстанциальность объяснения основ человеческой цивилизации приводит к несубстанциальному объяснению отдельных социальных феноменов. Наглядно это проявляется в анализе современного кризиса и общественно-политических движений, чье развитие, по сути, также приобретает случайный характер и зависит от технологий, действий и ценностей властей, дискурса и т.д. Нельзя сказать, что все это не имеет никакого влияния на общественные процессы, однако при таком подходе всякая последовательность в объяснении испаряется: каждое событие становится уникальным продуктом уникальных факторов. Не отрицая того, что в конечном счете каждое событие действительно

уникально, добавим, что оно при этом является еще и реализацией более общих тенденций общественного развития.

Нужно признать, что несубстанциальное объяснение сегодня встречается куда чаще и просто отбрасывать достижения представителей данного подхода нельзя, несмотря на все существенные ограничения в эвристическом потенциале их теорий. Однако сегодня, во время глубокого кризиса цивилизации, только хорошо проработанная стратегия действий всего человечества может избавить нас от самых страшных последствий имеющихся проблем. В связи с этим увеличивается значение научного знания, а конкретно — его прогностической функции. По-видимому, плюралистическая парадигма объяснения социальных феноменов, в т.ч. и общественно-политических движений, неспособна реализовать ее. Ориентация же на объективные законы общественного развития, на поступательный характер исторического процесса становится попросту необходимой.

Список литературы

- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 944 с
- Васильева Т.С., Орлов В.В. Социальная философия: учеб. пособие. 4-е изд. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 352 с.
- Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 680 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.
- Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Ч. 1. Пермь, 2008. 418 с.
- Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1953. 352 с.
- Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 1 / пер. с нем., фр., англ. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 1200 с.
- Маркс К. Капитал. Т. III, ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 25, ч. 1. 554 с.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Мельников В.О. Изменения в сфере организации политических течений, политической идеологии с середины XX века как следствия современного материального производства // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1(2). С. 156–170.

Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд. Перм. ун-та. 1998. Ч. 1, 2. 188 с.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. 266 с.

Орлов В.В., Гриценко В.С. Постиндустриальное общество и проблема труда // Философия и общество. 2012. Вып. 3(67). С. 60–78.

Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции: пер. с англ. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

Mouffe C.H. «Democracy — Radical and Plural»: interview // CSD Bulletin. 2001. Iss. 9(1). P. 10–13.

Получено 01.02.2020

References

Bell, D. (1999). *Gryaduschee postindustrial'noe obschestvo* [The coming of post-industrial society]. Moscow: Academia Publ., 944 p.

Castells, M. (2000). *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obschestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moscow: HSE Publ., 608 p.

Castells, M. (1999). *Stanovlenie obschestva setevykh struktur* [The rise of the network society]. *Novaya postindustrial'naya volna na zapade. Antologiya, pod red. V.L. Inozemtseva* [New postindustrial wave on the West. Anthology, ed. by V.L. Inozemtsev]. Moscow: Academia Publ., pp. 494–505.

Kagarlitskiy, B.Y. (2010). *Ot imperiy — k imperializmu. Gosudarstvo i vozniknovenie burzuaaznoy tsivilizatsii* [From empires to imperialism. State and the emergence of bourgeois civilization]. Moscow: HSE Publ., 680 p.

Koryakin, V.V. (2008). *Trud i edinyy zakonomernyy istoricheskyy protsess. Ch. 1* [Labor and a single natural historical process. Pt. 1]. Perm: PSU Publ., 418 p.

Lenin, V.I. (1953). *Materializm i empiriokrititizm. Kriticheskie zametki ob odnoy reaktsionnoy filosofii* [Materialism and empirio-criticism. Critical comments on a reactionary philosophy]. Moscow: Politizdat Publ., 352 p.

Marx, K. (2015). *Kapital: kritika politicheskoy ekonomii. T. 1* [Capital. A critique of political economy. Vol. 1]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 1200 p.

Marx, K. (1961). *Kapital. T. III, ch. 1* [Capital. Vol. 3, pt. 1]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marks K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 25, pt. 1, 554 p.

Marx, K. (1959). *K kritike politicheskoy ekonomii* [A contribution to the critique of political economy]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marks K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 13, pp. 1–167.

Marx, K. and Engels, F. (1955). *Nemetskaya ideologiya* [The German ideology]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marks K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Mel'nikov, V.O. (2018). *Izmeneniya v sfere organizatsii politicheskikh techeniy, politicheskoy ideologii s serediny XX veka kak sledstviya sovremennoego material'nogo proizvodstva* [The changes in the political lines, political ideologies organization sphere from the middle of the 20th century as the consequences of modern material production]. *Sosial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice]. No. 1(2), pp. 156–170.

Mouffe, C.H. (2001). «Democracy — radical and plural»: interview. *CSD Bulletin*. Vol. 9 (1), pp. 10–13.

Orlov, V.V. (1998). *Istoria chelovecheskogo intellekta* [History of human intelligence]. Perm: PSU Publ., pt. 1, 2, 188 p.

Orlov, V.V. and Gritsenko, V.S (2012). *Postindustrial'noe obschestvo i novaya forma truda* [The postindustrial society and a new type of labour]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. Iss. 3(67), pp. 60–78.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2006). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of economics]. Perm: PSU Publ., 266 p.

Schwab, K. (2018). *Tekhnologii chetvertoy promyshlennoy revolutsii, per. s angl.* [Shaping the fourth industrial revolution. Trans. from Eng.]. Moscow: Eksmo Publ., 320 p.

Vasil'eva, T.S. and Orlov, V.V. (2007). *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Perm: PSU Publ., 352 p.

Received 01.02.2020

Об авторе

Мельников Виктор Олегович
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: viktor_melnikov_psu@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0483-7364>

About the author

Viktor O. Melnikov
Ph.D. Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: viktor_melnikov_psu@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0483-7364>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мельников В.О. О двух подходах к анализу общественно-политических движений как проявления современного цивилизационного кризиса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 42–54. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-42-54

For citation:

Melnikov V.O. [Two approaches to analyzing sociopolitical movements as a manifestation of the modern civilization crisis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 42–54 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-42-54